

A.KARST
WARSWORD

Volume 3

"There are no heroes. There are
only those who survive the night."

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А Карст
Warsword Том 3

«Автор»

2026

Карст А.

Warsword Том 3 / А. Карст — «Автор», 2026

В финале герои сталкиваются с последствиями своих выборов, раскрываются тайны мира и истинная сила врага. Судьбы сплетаются, прошлое обретает смысл, а мир навсегда меняется.

© Карст А., 2026

© Автор, 2026

А Карст

Warsword Том 3

Автор: А.Карст
РАССКАЗ ВТОРОЙ :СИРЕНАДА
Арка 1: Иммуортализация

Предисловие

Все вокруг было сыро и холодно. Лагерь графства тонул в серой мгле, где мокрая земля тянула к себе каждый шаг, а ветки скрипели, словно предупреждая о невидимой угрозе. Ника сидела в своей полатке, погруженная в тишину, которая была тяжелее любого металла.

Она была облачена в черные кожаные ремни, стягивавшие тело как доспехи, и мантии цвета ночи, что казалась глубже самой тьмы. Черное золото на плечах и груди отбрасывало тусклое мерцание, будто отражая все надежды и страхи, запертую в сердце каждого воина в лагере.

Лицо Ники было одновременно бледным и румяным — как полотно, на которое боги сами могли рисовать судьбы. Волосы черны, словно беззвездное небо, и падали волнами на плечи, отражая холодную луну, что редкой трещиной проникала сквозь тент.

Ее глаза были необычны. Левый — зеленый, как лес, полный тайн и воспоминаний о давно ушедших сражениях, правый — желтый, как солнце, что даже в этот мрак казался жестоким, почти издевательским. В них читалась не только мудрость и усталость, но и желание разрушить все, что противится её воле.

Ника вздохнула, и воздух внутри палатки сжался. Она чувствовала, как сырость проникает сквозь ткань и кожу, как холод цепляется к костям, а вместе с ним — шепот предстоящих битв и кровавых решений, которые только она могла принять.

Свечи бросали дрожащие тени, и их свет дрожал на холодном металле зеркала. Ника села в кресло, чувствуя, как спина упрямо сопротивляется усталости. Она облокотилась на спинку, а в закованной в латы руке, когтистой и жесткой, сжимала рукоять меча.

В зеркале её отражение было одновременно уставшим и грозным — отпечаток множества сражений, множества поражений и стольких безмолвных побед. Она заглянула в глубину своих глаз: левый, зеленый, как леса её детства, правый — желтый, как жестокое солнце.

В памяти всплыло беззаботное детство — смех, запах трав и звуки лета. Но всё это теперь было лишь дымом, тенями на стенах, что свечи разгоняли своим светом.

«Это было давно», — прошептала она, и её голос был как сталь, точный и холодный.
«Теперь лишь тлен.
На тлеющем костре,
На вершине башни,
На высокой скале —
Ветер унёс этот прах

И растворил его
В вечном потоке бытия.
Мгновение... в моей жизни.»

И в этом мгновении осознала: истина одна. Она тяжела и неизбежна, как лезвие меча, что рассекало историю.

«Судьба — меч, рассекающий историю», — повторила Ника, сжимая рукоять сильнее. Металл стучал по кости, напоминая, что сила и решимость живут в боли и потере.

Ветер, проникающий через щели палатки, принёс запах дождя и железа. Она встала, словно оживляя собственное отражение. В зеркале теперь стояла не уставшая девушка, а воительница, которая знала: её путь — это не только кровь и смерть, но и власть над самим временем.

Ника ударила своей закованной рукой в зеркало. Металл встретил стекло с лязгом, и оно разлетелось на тысячу осколков. В каждом из них отражалась своя история, и все они слились в единую бурю:

Александр с легионами штурмовал огромный замок, стены которого трескали под ударами мечей и катапульт.

Лина и её сестра сражались с чудовищами, что выползли из тёмного леса, их крики смешивались с ревом зверей и скрежетом металла.

Афина и Темный Совет расставляли пешки на карте мира, словно играли в шахматы с самой судьбой, каждый ход — смерть и разрушение.

Весь мир пронёсся перед глазами Ники, но среди хаоса и крови было видно лишь одно: смерть. Разрушение. Конец.

Она вышла из палатки, и воздух словно содрогнулся. Её губы вырвали одно слово — короткое, острое, как клинок:

«Конец...»

Командиры армий поняли жест без слов. Ника подняла руку, и её указание было не вопросом, а приказом. Солдаты готовились к бою, а Ника взмыла на спину крылатого змея, его чешуя блестела в сером свете тумана.

Меч Ники в её руке сверкнул, словно сама судьба заключила в нём законы войны. С одним взмахом она повела армию в бой — и мир треснул, словно хрупкое зеркало, отражение которого оставалось лишь в её глазах.

Глава 0

Элионора родилась с дарами, что несли в себе разрушение и страх. Её тело и разум были оружием, а сама она — живое проклятие. Она могла перевоплощаться в людей и животных, растворяясь в чужих телах, как тень, незаметная и смертельная. Телепатия давала ей власть над разумом — она читала мысли, ломала волю, подчиняла и заставляла страдать. Её гнев вызывал бурю: контроль над погодой превращал небо в шторм, молнии и смерчи подчинялись её воле, а огонь слушался, несущий смерть и хаос.

Её связь с тёмной магией была абсолютной: страх, болезни и искажения земли и плоти подчинялись ей, а каждое прикосновение приносило разрушение. В ближнем бою Элионора была воплощением ярости — сила, выносливость и грация сливались в смертоносный танец, где враг не имел ни шанса, ни пощады.

Даже будучи младенцем, её мощь спасла её от человеческой жестокости — родители, испугавшись её даров, бросили её под дождь, но сила Элионоры согрела и защитила её. Она родилась чуждой этому миру, но уже способной сломать его и переписать по своим правилам.

Рыжеволосая эльфийка родилась на острове Острый Клык, омываемом свирепым океаном. Этот край был жесток и холоден, с острыми, словно зубы хищника, скалами, где каждый день был испытанием на выживание. Её детство прошло среди ветра, солёной воды и скалистых обрывов — остров учил её стойкости с первых шагов. Жизнь здесь была тяжела: шум прибоя смешивался с криками чаек, а холодный дождь и океанский шторм были постоянными спутниками. С самого рождения эльфийка впитывала суровую, непреклонную природу своего края, закаляя тело и дух.

Но это было в самом начале, но в конце..

Её лицо было разрублено, а Винец — уничтожен. Элионора осталась лишь слабым, израненным духом, наблюдавшим, как остатки её артефакта жестоко собрали и заперли в тяжёлый сундук, затерянный в мёртвых, безмолвных горах континента увезенного с ее родного острова. Годы она провела в мучительном ожидании того, кто мог бы вернуть ей силу и тело.

3250 год месяц Розы.

Когда она нашла девочку, одинокую и забытую, судьба уже вплела их жизни в тёмный узел. Во снах Элионора являлась Нике в облике призрачной сверстницы, холодно маня к артефакту. Привязанность, которую она испытывала к ребёнку, была хищной — не любовь, а нужда в сосредоточении силы через чужую жизнь.

С младенчества Элионора через сны ломала девочку и одновременно воспитывала: обучала выживанию, жестокости, терпению боли. Каждый сон был испытанием, где реальность сливалась с ужасом, а мир становился холодным и пустым. Девочка росла под гнётом разрушенного духа, её судьба была сшита в ледяную паутину Элионоры, и каждый шаг Ники принадлежал уже не ей самой, а тени, что некогда была великой.

Элионора выбрала день, когда Ника была почти сломлена.

Не в ярости.

Не в боевой ярости, не в триумфе, не в холодной решимости.

А в усталости.

В той самой тихой, липкой усталости, которая медленно стирает волю. Когда даже боль кажется привычной, а гнев — слишком тяжёлым, чтобы его поднимать.

Ветер в тот день был ледяным. Он не просто дул — он царапал кожу, пробирался под мех и ткань, хлестал лицо, словно пытался стереть его с мира. Высокая трава, мокрая от недавнего дождя, доходила почти до пояса. Каждое движение давалось с трудом — стебли цеплялись за сапоги, тянули назад, шуршали, как шёпот.

Ника брела сквозь это поле, не зная, куда идёт.

И всё же знала.

Голос был тихим. Почти ласковым.

— Иди...

Он звучал не в ушах. В костях. В затылке. В той точке, где память касается сна.

Элионора не кричала. Она не давила.

Она ждала.

И Ника шла.

Её чёрная шуба, тяжёлая и влажная от тумана, тянулась за ней, словно тень. Под ней — ремни, сталь, кобура. Пальцы в перчатках были напряжены, но взгляд — пуст. Гетерохромные глаза не отражали ни страха, ни решимости. Только усталость.

Когда поле закончилось, открылась низина.

Там стояли они.

Сектанты культа Элионоры.

Круг был выжжен в траве. Земля почернела, словно её коснулся внутренний огонь. В центре — каменный алтарь, испещрённый древними рунами, высеченными не инструментом, а когтями.

Они стояли на коленях.

Двенадцать фигур в рваных серых одеяниях. Лица скрыты масками из выбеленного дерева. На груди — знак расколотого венца.

Они уже начали.

Их голоса не пели — они вибрировали. Низкий, тянущийся гул, который поднимался к небу и, казалось, рассеивал облака. Воздух начал сгущаться. Трава вокруг круга медленно пригибалась к земле, будто склоняясь.

Ника остановилась.

Голос в её голове стал сильнее.

— Подойди ближе...

— Освободи меня...

— Ты обязана...

Её шаг замедлился.

Она чувствовала, как что-то внутри неё откликается. Не разум. Глубже. Там, где когда-то были сны. Где маленькая девочка смотрела на призрачную рыжеволосую сверстницу и верила ей.

Алтарь начал светиться.

Из воздуха вытягивались тонкие нити — темные, как прожилки в мраморе. Они переплетались над камнем, формируя подобие силуэта.

Лицо без кожи. Глаза без век.

Элионора.

Она почти прорвалась.

— Ника... — голос теперь звучал громче, наполняя грудную клетку вибрацией. — Ты без меня — пустота. Ты — моё продолжение. Моё тело.

Сектанты подняли руки.

Кровь из их ладоней стекала на землю.

Ника сделала ещё шаг.

И вдруг остановилась.

Ветер изменился.

Её левый глаз — зелёный — вспыхнул холодной ясностью. Правый — жёлтый — стал узким, как у хищника.

Взгляд прояснился.

Она увидела не ритуал.

Она увидела манипуляцию.

Она увидела, как её снова пытаются превратить в сосуд.

В груди что-то щёлкнуло.

Тихо. Почти незаметно.

Но это было решение.

Ника медленно распахнула шубу.

Под мехом блеснул металл.

Она достала оружие.

Энергетическое УЗИ — компактное, тёмное, с гравировкой вдоль ствола. Не просто огнестрел. Импульсное оружие нового поколения, работающее на сжатом кристаллическом заряде. При выстреле оно не грохотало — оно издавало резкий, пронзительный импульс, словно разрывался воздух.

Первый выстрел.

Тело одного из сектантов взорвалось светом изнутри. Не кровью — чистой энергией. Его силуэт распался, как перегоревшая тень.

Второй.

Третий.

Она не бежала. Не кричала. Не ускорялась.

Она шла.

Методично.

Импульсы разрывали круг. Маски падали. Кровь и пепел смешивались с мокрой травой. Ритуал захлебнулся.

Силуэт над алтарём дрогнул.

— НЕТ! — Элионора закричала, и небо над низиной почернело мгновенно.

Ветер взвыл. Молнии начали вспыхивать без грома.

Нити энергии потянулись к Нике, пытаясь вцепиться в её разум.

И вот тогда началась настоящая битва.

Не снаружи.

Внутри.

Элионора ворвалась в её сознание, как буря. Воспоминания детства вспыхнули: дождь, скалы, голос во сне, обучение боли, уроки жестокости.

— Ты обязана мне!

— Я создала тебя!

— Ты без меня — никто!

Разум Ники дрожал.

На мгновение.

И в этот момент она сделала то, чему никогда не учила её Элионора.

Она закрылась.

Не стеной ярости.

Не гневом.

Не страхом.

Стеклом.

Прозрачным. Гладким. Абсолютно непроницаемым.

Она представила свой разум как башню. Внутри — только она. Снаружи — буря.

И она вырастила стеклянный купол.

Элионора ударилась о него.

Раз.

Трещина не появилась.

Второй удар — сильнее.

Внутри головы Ники зазвенело, кровь пошла из носа, но стекло осталось целым.

— Ты не смеешь! — голос духа стал искажённым, почти звериным.

Ника впервые ответила ей не мысленно.

Вслух.

— Ты больше не хозяйка.

И вытолкнула её.

Не криком.

Не заклинанием.

Отказом.

Связь, что тянулась годами, натянулась до предела.

И оборвалась.

Силуэт над алтарём исказился. Нити распались. Молнии исчезли. Ветер стих.

Элионора закричала — не гневом, а болью.

Она была отброшена. Ослаблена. Отрезана от своего сосуда.

Круг погас.

В низине осталась только Ника.

Тела сектантов дымились.

Оружие в её руке медленно остывало.

Она стояла посреди разрушенного ритуала, тяжело дыша. Внутри было странно тихо.

Слишком тихо.

Как будто кто-то выключил постоянный фон.

Она не чувствовала её.

Впервые за всю жизнь — не чувствовала.

Ника подняла взгляд к небу.

— Конец? — прошептала она.

Но глубоко, далеко, в тёмных складках мира, ослабленный дух Элионоры не исчез.

Он сжался.

Он затаился.

И впервые — почувствовал страх.

Потому что сосуд перестал быть сосудом.

И стал чем-то иным.

После того дня в низине мир не изменился.

Изменилась Ника.

Связь с Элионорой больше не шептала в её мыслях. Сны стали пустыми. Ночи — тихими. И в этой тишине впервые появилось нечто незнакомое.

Выбор.

Годы хаоса не закончились. Они только усилились. Континент трещал по швам: княжества дробились, союзы распадались, старые династии падали под тяжестью собственных интриг. Торговые пути горели, крепости осаждались, северные кланы спускались с гор, а южные магократии расширяли влияние.

В этой нестабильности Ника нашла своё место.

Не как пророк.
Не как сосуд.
Не как дитя древнего духа.

Как солдат.

А затем — как стратег.

Она поступила на военную службу своей родины — государства, сурового и холодного, как её собственное детство. Страна, выросшая среди ветров, камня и железа. Здесь не верили в богов. Здесь верили в дисциплину.

Сначала её не воспринимали всерьёз.

Слишком молода.
Слишком тиха.
Слишком странные глаза.

Но на первом же полевом учении она изменила мнение командования.

Она не повышала голос.
Не давила авторитетом.
Она просто видела поле боя иначе.

Там, где другие видели фронт, она видела линии напряжения.
Там, где другие видели врага, она видела его страх.
Там, где ожидали атаку — она создавала ловушку.

Её первое сражение как офицера стало легендой.

Противник превосходил числом почти вдвое. Классическая оборона означала бы затяжную осаду и истощение. Ника приказала отступить.

Командиры спорили.

Она настояла.

Отступление было рассчитанным. Враг втянулся в узкую долину, где заранее были скрыты импульсные турели и артиллерия дальнего действия. Когда войска противника оказались внизу — Ника подняла руку.

И долина вспыхнула.

Это не было бессмысленной резнёй. Это было уравнение, решённое холодно и точно.

После той операции её имя стало звучать иначе.

Через три года она уже командовала корпусом.

Через пять — всей северной армией.

Генерал в возрасте, когда другие ещё только учились подчиняться.

Она не стремилась к званию. Но она стремилась к контролю.

Потому что контроль означал одно:

никто больше не будет управлять ею.

Она укрепляла границы государства методично.

Строила оборонительные линии.

Восстанавливала старые форты.

Внедряла новые технологии — энергетические щиты, мобильные артиллерийские платформы, воздушную разведку.

Её армия стала не просто сильной — она стала верной.

Солдаты знали: Ника никогда не отправит их на смерть ради тщеславия. Если она отдаёт приказ — за ним расчёт. Если она ведёт в бой — она идёт первой.

Иногда — на спине крылатого змея, чьи чешуйчатые крылья рассекали облака. Иногда — пешком, среди рядов, в чёрной шубе и с холодным взглядом.

Она не улыбалась.

Но её уважали.

Государство крепло.

Но тени — тоже.

Сначала это были слухи.

Исчезающие разведчики.

Опустевшие деревни.

Пепел без следов огня.

Затем — магические аномалии. Искажения пространства на границе восточных земель. Небо там начинало темнеть раньше времени. Компасы сходили с ума. Электроника давала сбои.

Совет министров требовал осторожности.

— Это нестабильная зона.

— Возможно, природный феномен.

— Не стоит провоцировать неизвестное.

Ника молчала.

Но ночью она чувствовала это.

Не Элионору.

Что-то другое.

Глубже.

Старше.

Как будто ткань мира в том направлении истончилась.

И однажды разведка принесла карту.

На ней были отмечены очаги искажений.

Если соединить их линией — получалась дуга. Почти идеальная. И эта дуга постепенно сжималась.

К центру.

К их государству.

Это уже было не совпадение.

Это было наступление.

Военный совет длился восемь часов.

Одни предлагали укрепиться и ждать.

Другие — направить дипломатическую миссию.

Третьи — объявить частичную мобилизацию.

Ника слушала.

А затем произнесла:

— Если мы будем ждать, они выберут время.

— Если мы будем укрепляться, мы примем их правила.

— Если мы пойдём первыми — судьба станет нашей.

В зале повисла тишина.

Она знала, что предлагает.

Наступление в зону, где сама реальность нестабильна.
Против неизвестного врага.
Без гарантий возвращения.

Это было идти поперёк судьбы.

Совет проголосовал не единогласно.

Но большинство поддержало её.

Армия начала готовиться.

Не к обороне.

К прорыву.

Ника стояла на бастионе столицы, глядя на горизонт, где небо уже темнело раньше времени.

Ветер трепал её чёрную мантию. Металл на плечах тускло отражал последние лучи солнца.

Офицер подошёл и отдал честь.

— Генерал. Войска готовы.

Она кивнула.

В этот момент она чувствовала странное спокойствие.

Не шёпот духа.
Не давление чужой воли.

А собственное решение.

Если судьба — меч, рассекающий историю,
то она станет рукой, что держит этот меч.

Она обернулась к построеным легионам.

— Мы не ждём конца, — её голос был ровным, но разносился далеко. — Мы его создаём.

И армия двинулась.

Не на защиту.

А навстречу тьме.

3273 год месяц Розы

Но этому не суждено было сбыться.

Весть пришла не с фанфарами.

Она пришла ночью.

Гонец въехал в столицу на израненном коне. Доспехи его были пробиты, плащ пропитан кровью — не своей. Он держался в седле лишь усилием воли. Когда его сняли, он всё ещё пытался говорить.

— Западный фронт...

— Варвары прорвали...

— Его Величество...

Слова застряли в горле.

Кароль Ридии пал.

Кароль Ридии — правитель, под чьим железным управлением государство держалось в равновесии между мечом и законом — погиб в бою. Не в тронном зале. Не от яда. Не от заговора.

С клинком в руке.

Он лично возглавил контратаку на западном рубеже против варварских кланов степей. Его знамя видели до последнего — алое полотнище с серебряным волком, поднятое среди огня.

Когда оно упало — рухнуло не только древко.

Рухнула опора.

В столице объявили траур.

Колокола звонили глухо, медленно. Улицы затихли. Люди зажигали огни в окнах, как будто свет мог отогнать надвигающуюся тьму.

Ника стояла в зале военного совета, когда ей сообщили.

Она не изменилась в лице.

Только пальцы её слегка сжались.

Король был не просто правителем. Он был тем, кто дал ей возможность действовать. Тем, кто видел в ней не опасность, а ресурс. Тем, кто однажды сказал:

— Ты слишком молода, чтобы быть генералом.

— Но слишком умна, чтобы оставаться капитаном.

Он доверял ей.

И теперь он был мёртв.

Через три дня на трон взошла его супруга.

Королева Эстелия.

Она не была глупой. И не была слабой.

Но она была иной.

Если покойный король правил через силу, то она — через страх потерять. Её взгляд был мягким, но за этой мягкостью скрывалась сталь — холодная, расчетливая.

Первое её заседание совета длилось недолго.

— Западный фронт ослаблен.

— Восточная аномалия нестабильна.

— Внутренние провинции тревожны.

Она слушала отчёты.

А затем произнесла:

— Мы не можем позволить себе наступление в неизвестность.

— Армия будет перераспределена для укрепления границ и подавления возможных мятежей.

— Все внешние инициативы временно замораживаются.

В зале повисла тишина.

Ника шагнула вперёд.

— Ваше Величество, — её голос был ровным. — Если мы отступим сейчас, мы позволим угрозе выбрать момент удара.

Королева посмотрела на неё долго.

— Генерал, — ответила она спокойно, — мой супруг погиб, потому что выбрал удар первым.

— Он погиб, потому что враг уже был внутри границ, — отрезала Ника.

Несколько советников вздрогнули.

Королева не повысила голос.

— Государство истекает кровью. Народ напуган. Нам нужна стабильность. Не риск.

— Стабильность — иллюзия, когда тьма уже движется, — сказала Ника.

Это было последнее.

Решение было принято.

Армия, собранная для прорыва, была разделена. Части отправлены к западным укреплениям. Другие — на юг. Инженерные корпуса — на восстановление фортов.

Наступление отменено.

А Ника... не смирилась.

Она не подняла мятежа. Не призвала солдат. Не вышла с речами на площади.

Она пришла в казармы.

Её офицеры ждали приказа.

— Мы готовы, генерал, — сказал один из них. — Достаточно слова.

И в этот момент Ника поняла цену выбора.

Если она прикажет — они пойдут.

Если она поведёт — часть армии останется с ней.

Это будет раскол.

Гражданская война.

И враг воспользуется этим.

Она молчала.

Но слухи уже пошли.

“Генерал не согласна с короной.”

“Генерал считает решение ошибкой.”

“Генерал готовится действовать.”

Королева действовала быстрее.

Ночью в казармы прибыл отряд королевской гвардии.

Без шума. Без объявления.

Никую вызвали в столицу “для консультации”.

Она знала, что это значит.

В тронном зале не было совета. Только королева и два стража.

— Генерал Ника, — произнесла Эстелия, — вы выдающийся стратег. Но в это время государству нужна единая воля.

— Моя воля — защищать его, — спокойно ответила Ника.

— Иногда защита — это удержание, а не наступление.

— Иногда удержание — это отсроченное поражение.

Глаза королевы стали холоднее.

— Вы слишком популярны среди армии.

Молчание.

— И слишком независимы.

Стражи шагнули вперёд.

Ника не сопротивлялась.

Не потому что не могла.

А потому что знала: если она поднимет руку — начнётся раскол.

Её заковали.

Не в цепи из железа.

В магические кандалы подавления.

Темница под дворцом была глубокой. Каменные стены впитывали влагу и звук. Свет почти не проникал.

Когда тяжёлая дверь захлопнулась, эхо долго не утихало.

Ника осталась одна.

Генерал.

Героиня западного рубежа.

Стратег, спасшая тысячи.

Заклочённая.

Она села на холодный каменный пол. Спина коснулась стены.

Тишина была густой.

Почти знакомой.

На мгновение ей показалось, что она снова слышит шёпот.

Но нет.

Это был только ветер в коридорах.

И всё же... в глубине мира, там, где когда-то был разорванный дух, что-то дрогнуло.

Ослабленная Элионора почувствовала трещину.

Одиночество.

Гнев.

Предательство.

То, чем всегда питалась тьма.

И где-то далеко, за пределами стен темницы, тени на востоке начали стучаться быстрее.

Потому что судьба не терпит вакуума.

Если меч не поднимают — его поднимает кто-то другой.

А Ника, сидя в полумраке, впервые за долгие годы не знала, что будет дальше.

Но одно она знала точно:

Она не останется здесь навсегда.

Глава 2

3252 год месяц дождя

Вечер быстро поглощался мраком, и в воздухе висела напряжённая тишина. Вдруг, как по волшебству, небо почернело, и густые тучи накрыли горизонтом. Анастасия сидела за столом среди гостей Дионисия, не обращая внимания на остальную часть происходящего вокруг. Она была поглощена своими мыслями. А в это время её взгляд не мог не привлекать один человек — Александр.

Он сидел рядом с ней, но был так далёк, что, казалось, его тень утонула в безбрежной пустоте. Он был не как все. Молча, серьёзно, поглощённый собой, не вступал в разговоры,

не разделял ничьей радости. Иногда Анастасия ловила его взгляд, но не могла понять, что скрывается за ним. Он был рядом, но всегда оставался чужим. Он не был частью этой картины.

Когда дождь пошёл вдруг, с такой силой, что казалось, сам мир готов был разрушиться под его напором, все поспешили в дом, спасаясь от стихии. Но Александр остался на крыльце, как будто невидимая сила притягивала его, заставляя стоять на месте. Анастасия не могла не заметить этого. Она почувствовала, как внутри неё нарастает беспокойство, но не могла объяснить, откуда оно берётся. Что-то было не так, и она чувствовала это кожей.

Отставив чашку, Анастасия встала, не сказав ни слова. Шагнув за порог, она оказалась на улице, в дождливом мраке, перед Александром. Он стоял там, и его фигура терялась в этой черной воде, словно поглощённой самой бурей. Анастасия шагнула к нему, но он не заметил её, его взгляд был прикован к горизонту.

—

Почему ты стоишь здесь? — спросила она тихо, подходя ближе, но его молчание только усилило тревогу.

Александр повернулся, его лицо было погружено в тени, взгляд остался таким же закрытым, как всегда.

—

Ты не должна быть здесь, Анастасия, — сказал он, его голос был низким и спокойным, но в нём не было обычной уверенности, а лишь что-то чуждое, скрытое. — Это не твоё место.

Она почувствовала, как сердце ускоряет свой ритм. Эти слова звучали как предупреждение.

—

Я вижу, что ты в чём-то застрял, — ответила она, пытаясь понять, что скрывает Александр. — Ты здесь, но тебя как будто нет. Что ты ищешь? Кто ты на самом деле?

Он вновь не ответил. Александр молчал, но Анастасия почувствовала, как его присутствие начинает давить. Это был не просто брат Дионисия. Он был не тем, кем хотел казаться. Она была уверена, что скрытая сторона его личности была намного глубже, чем он позволял себе раскрыть.

—

Ты так живёшь уже много лет, да? — сказала она, чувствуя, как её слова, как стрелы, пробивают тьму, окутывающую Александра. — Всё время скрываешься, прячешься от мира. Но почему? Почему ты так не похож на всех нас?

Её слова были слишком резкими, но они прорезали тот барьер, который Александр выстроил вокруг себя. Он посмотрел на неё с каким-то странным выражением, как будто осознавая, что она наконец начала видеть его не таким, каким он хотел показаться.

—

Я живу так, как мне нужно, — сказал он, и в его голосе теперь звучала усталость, которую она не заметила раньше. — Ты не понимаешь, Анастасия. Ты не понимаешь, с чем я борюсь.

Анастасия сделала шаг вперёд, не отрывая глаз от его лица.

—

Ты борешься с тем, чего не существует, — произнесла она, почувствовав, как её слова отражаются в его душе. — Ты скрываешь не свои страхи, а что-то гораздо большее. Ты не такой, как все. Ты не можешь быть просто воином, как все. Кто ты, Александр?

Слова сорвались с её губ, и она почувствовала, как внутренняя сила наконец начала пробивать эту каменную стену, выстроенную вокруг него. В его глазах было отражение какой-то глубокой боли, но он быстро её спрятал.

—

Я защищаю тебя, — тихо произнёс он. — И ты не должна знать, чем я на самом деле являюсь.

Эти слова повисли в воздухе, как угроза. Анастасия не понимала, что он имел в виду. Защищал её от чего? От чего она должна была быть защищена? И почему ему было так важно скрывать свою истинную природу? Эти вопросы терзали её, но она не могла найти на них ответа. Александр, казалось, стал не только её братом Дионисия, но и чем-то другим — чем-то гораздо более сложным.

—

Ты не можешь просто скрываться вечно, — сказала она, её голос становился твёрдым. — Ты не можешь оставаться на этом месте, ничего не говоря. Я не позволю тебе прятаться.

Александр снова посмотрел в её сторону, и его взгляд был пронизан чем-то странным — сожалением? Печалью? Или это было что-то гораздо более опасное?

—

Ты не понимаешь, Анастасия, — сказал он с тихой решимостью. — Если ты узнаешь всю правду, ты никогда не сможешь вернуться назад. И я не могу позволить тебе пройти через это.

Тьма сгущалась, и дождь всё продолжал барабанить по земле, словно сама природа чувствовала, как скоро их мир изменится.

Анастасия стояла на месте, чувствуя, как её душа наполняется тревогой. То, что скрывал Александр, не касалось только его. Это касалось всего мира, и она теперь была частью этого мира. И, возможно, она только начинала осознавать, насколько глубока была эта пропасть.

Но одна вещь была ясна: Александр скрывал не только свою сущность. Он скрывал цель, ради которой был готов идти до конца, несмотря на то, что это значило для всех вокруг.

Ночь была глубокой и безмолвной, поглощённой рёвом дождя и шелестом ветра, который несёт в себе что-то древнее и таинственное. Анастасия, стоя на крыльце, ощущала, как капли дождя проникают в её волосы, обвивают её лицо и скатываются по шее, смешиваясь с холодом, который проникал в её сердце. В глубине души она знала, что этот вечер, как и многие другие, уже никогда не будет таким же.

Где-то далеко, в самой туманной части её разума, она начала ощущать, что что-то было не так. В тот момент, когда дождь стал невыносимо сильным, Анастасия почувствовала, что её брат, по сути, не был тем человеком, за которого она его принимала. Словно его личность и цели были скрыты под множеством масок, которые он сам же и создавал. Она не могла до конца понять его — его взгляд был слишком глубоким, скрытым, его молчание было таким отчуждённым.

Он не был человеком, с которым можно просто поговорить о жизни, его сущность была куда сложнее.

По слухам, в недавние дни Александр был сильно поглощён событиями, происходившими в Александрии. Пропавшее Око Слияния, которое считалось легендой, вдруг вернулось в тени. Грифон фиолетового цвета, темный и опасный, вырвал это могущественное око из рук его владельца, разрушив всё на своём пути. Одни говорили, что это было создано Саламоном, старым советником отца, который мог использовать тени, чтобы создавать чудовищ, другие шептали, что Саламон сам возродил древнюю силу, чтобы вернуть Око Слияния в Межпространство, где оно стало частью какой-то ужасной игры.

Анастасия смотрела на дождь, как капли стекали по её лицу. Она хотела сказать ему, чтобы он зашёл в дом и не стоял на улице, но вдруг ощутила что-то странное, словно этот человек перед ней не был тем, кого она знала.

Он изменился.

—

Ты собираешься заболеть, — сказала она с явной заботой, но внутри её росло ощущение, что она не совсем знает, кто перед ней. Это было больше, чем просто предупреждение. Это был вопрос.

Александр посмотрел на неё. Его карие глаза были холодными, но в них можно было различить нечто более глубокое, скрытое в тени.

—

Всё будет в порядке, — ответил он, его голос был мягким, но отчётливо невозмутимым.

Анастасия хотела бы верить ему, но не могла. Что-то в нём было странным. Он стоял, как каменная статуя, полностью поглощённый чем-то другим. Она пыталась разглядеть в его взгляде человеческие чувства, но находила лишь пустоту.

Внезапно, среди этой тишины, они оба услышали странный вой, не похожий на вой волков. Он был глубоким и каким-то неестественным, словно неотъемлемая часть этой ночи. Анастасия сразу поняла, что это был его питомец — Черная Буря. Александр скрывал это существо в одной из пещер, но сейчас оно издавало этот странный звук. Что-то было не так.

Александр словно не услышал его. Или, может быть, он не хотел слушать.

—

Пошли в дом, — повторила Анастасия, едва сдерживая свой страх. — Это из-за гор. Пойдём.

Но всё внутри неё кричало, что это был не просто вой животного, а сигнал, предвестие чего-то гораздо более страшного.

Ночь продолжала поглощать их в тени. Всё вокруг казалось туманным и враждебным. Они вернулись в дом, и, как всегда, Александр снова оказался закрытым, поглощённым своими мыслями.

Когда Анастасия решила уйти в свою комнату, её взгляд случайно упал на дверь, ведущую в его комнату. Она была чуть приоткрыта. Этот момент не был случайным.

С тревогой в груди, Анастасия подошла к двери, но, прежде чем она успела её толкнуть, что-то остановило её. Она вспомнила, что он часто притворялся спящим, чтобы скрыть от неё свои мысли. Внутри её ощущение настороженности возросло.

Она открыла дверь.

Александр лежал на кровати, его тело было неподвижным, а лицо скрыто в темных тенях. Она заметила, как его дыхание было ровным, почти механическим. Но вдруг, на какой-то момент, его глаза резко открылись.

Это был не сон.

Анастасия наклонилась ближе, и её губы коснулись его. Внезапно она ощутила тепло его кожи, как будто её касание привело его в движение. Она не могла понять, что это было. Возможно, это было лишь простое воспоминание, но что-то в этой близости казалось неестественным.

Александр открыл глаза, и его взгляд был холодным, но в нём был какой-то вопрос.

—

Ты спишь? — тихо спросила Анастасия, не понимая, почему её сердце билось так быстро.

—

Нет, — ответил он с тихим вздохом, и его глаза, словно скрывая боль, коснулись её лица. — Ты всё-таки пришла, Анастасия.

Она молча смотрела на него. Это был не просто момент в их жизни. Это был знак.

Он не был таким, каким она его знала.

И, возможно, для неё самого этот момент тоже стал чем-то неизбежным.

Александр остался один в своей комнате, поглощённый мыслью о том, что его жизнь за всё это время пролетела как мимолётный взгляд. Его мысли были обвиты туманом древности, о том, что он был не таким, как все. Даже среди тех, кто жил веками, он чувствовал свою уникальность. Быть существом, которое наблюдает за мирами, которые рушатся и восстанавливаются, — это тяжкое бремя, которое, казалось, не прекращало давить его сердце.

Всю свою долгую жизнь Александр искал что-то более значительное, чем просто очередную любовь. Он искал родные души, тех, кто мог бы стать его равными, теми, кто мог бы пройти этот путь вместе с ним — не как мимолётные любовницы, исчезающие с течением времени, но как личности, с которыми можно было бы разделить вечность.

Он помнил всех своих невест, их было сотни и сотни, и каждая оставила свой след в его памяти, но ни одна не осталась в его жизни, как бы он этого не хотел. Воительницы разных эпох, каждая с уникальной историей, с характером, который мог бы соперничать с его собственным. Но все они исчезли, пройдя мимо его жизни, как краткосрочные вспышки света.

Из всех тех, с кем он хотел быть, только четыре женщины остались в его воспоминаниях, глубже всех других. Луна с Лией — две души, которых он любил, но которые были далёкими, слишком далёкими для его вечности. Слишком длинными были их жизни, чтобы быть рядом с ним. Он понимал, что их сердца не могли быть привязаны к нему, так как их путь был слишком отличен от его собственного.

В эту ночь, после того как Анастасия ушла, его мысли вернулись к тем давним дням, когда его отец выращивал для него генералов — сильнейших и вернейших воинов. Пять генералов, каждый из которых был не просто командиром армии, но и частью того, что Александр знал как своё наследие. Они должны были быть рядом с ним всегда, сопровождать его в самых тяжёлых походах. Но, как и все в его жизни, эти генералы исчезли. Некоторые сбежали, скрылись в иных мирах, а некоторые погибли, так и не успев выполнить свою задачу.

Он помнил, как его отец рассказал ему об одной из генералов, сбежавшей с помощью магов и приспешников Морганы в неведомое измерение — это место, полное зелёного огня и магии, которое теперь невозможно было найти. О других он не знал, только слухи — одна из них, Александра, отправилась в экспедицию на юг и пропала, растворившись в неизведанном змеинном острове. А остальные просто исчезли, скрытые мощной магией, с которой отец так и не смог справиться.

Они все были частью его прошлого, частью той жизни, которая теперь была ему чужда. Он всё ещё был жив, и всё ещё стоял на грани чего-то более великого. Но только Анастасия, хотя и была столь юной, теперь начала занимать пространство в его сердце. Она была другой. Она не была как все остальные. Она была настоящей частью его вечности, хоть и не осознавала этого.

Время шло, а он не мог позволить себе расслабиться. Даже несмотря на то, что Анастасия была рядом, что её душа начинала искать ответы, что её сердце, как и его, было наполнено сомнениями и страхами. В её глазах он видел ту самую искру, которую так долго искал. Но это было всё так хрупко, что он не мог позволить себе показывать свои истинные намерения.

Внезапно его внимание привлёк странный звук — вой, не присущий волкам, исходящий из одной из пещер. Это был его питомец, Черная Буря, — существо, которое Александр скрывал в тени, чтобы никто не знал о его истинной природе. Зверь был его другом, но и угрозой, неразрывной частью его загадочного мира.

Анастасия заметила этот звук, и, с очевидной тревогой в голосе, приказала не обращать на него внимания. “Это из-за гор”, — сказала она, скрывая свою растерянность и страх. Но

что-то внутри неё подсказывало, что это было не просто случайное явление. Возможно, это был ещё один из знаков, предвестие чего-то гораздо более тёмного.

Но Александр молчал. Он был не только поглощён своими размышлениями, но и тем, что в его жизни вновь начали появляться знакомые тени — тени прошлого, те, с кем он был связан в веках, но которых он никогда не смог удержать.

Ночь:

Когда ночь накрыла всё, Александр лежал в своей комнате на мехе скалистого волка, вспоминая тех, кого потерял. Его мысли скользили по воспоминаниям о родных, о матери и отце, о той мощи, которую они создали для него. Всё это было частью того, что делало его таким, какой он есть, частью его наследия.

Но всё это было так далеко от того, что сейчас происходило. Теперь он не знал, что делать. Анастасия была рядом, но её присутствие как будто притягивало к нему ещё больше боли. Он был старым, и его век был слишком длинен. Он знал, что когда она узнает истину, её мир разрушится. И, возможно, её любовь к нему исчезнет, как исчезли все остальные.

Он не мог позволить себе потерять её.

Но он также знал, что именно эта любовь может стать катастрофой для них обоих.

Ночью, когда Анастасия вошла в его комнату, она, как кошка, бесшумно приблизилась, не зная, что на самом деле скрывается за его взглядом. Он притворился спящим, но её прикосновение сразу пробудило его от иллюзии.

Её нежное прикосновение к его лицу, её волосы, которые распались, как водопад, касаясь его кожи — всё это было для него как невидимая граница, за которой всё, что он знал о мире, было готово разрушиться.

Её губы коснулись его, и в этот момент всё вокруг остановилось.

Но, как и всегда, это был лишь сон. Александр открыл глаза, и мир вновь вернулся.

Зима. Много лет назад.

Александр возвращался с воинством из похода. Снег скрипел под копытами его зверя, тяжёлое дыхание армии поднималось в морозный воздух белыми клубами пара. Они пересекли каменный мост, когда он увидел вспышку ледяного вихря впереди.

Среди метели возвышалась она — снежный элементаль.

Изящная, грациозная фигура женского очертания, но без лица. Лишь два ярко-синих сияющих глаза прорезали снежную пелену. Существо атаковало карету молодой пары — судя по одежде, богатых горожан.

Александр уже хотел проехать мимо. Война учит выбирать, кого спасать.

Но в следующий миг вихрь снега поднял в небо ребёнка.

Малышка закричала — и крик оборвался ледяным ветром.

—

Двигайтесь без меня! — приказал он воинству. — Я догоню.

Его зверь рванулся вперёд.

Что-то чёрное и тяжёлое, словно удар самой ночи, разнесло элементаря в воздухе. Ледяная сущность рассыпалась в снежную пыль.

Ребёнок оказался в руках воина в красных доспехах.

На нём не было шлема.

Девочка, посиневшая от холода, открыла глаза и... улыбнулась.

Александр протянул руку. Пламя вспыхнуло мягко, не обжигая, но мгновенно согревая её тело. Рыжие волосы развевались на ветру, но огонь обнимал её, словно живая мантия.

—

Батори! — закричали родители, выбегая из кареты.

—

Огонь продержится около часа, — спокойно сказал Александр. — Торопитесь. Идите с нами. В городе найдёте кров.

Он приказал солдату принести самый тёплый мех, укутал девочку и передал родителям. Затем, не сказав больше ни слова, на своём звере обогнал строй.

Родители, потрясённые количеством рабов, повозок с золотом и бесконечной военной колонной, не заметили, как на мгновение глаза их дочери почернели.

Люцифер был с ней всегда.

Когда Александр вернулся домой, его встретила ещё одна сцена.

С неба мягко опустился крылатый лис, неся на спине деву с огненными волосами.

—

Ещё одна рыжая... — тихо усмехнулся он.

Её звали София.

В тот день София впервые увидела Батори. Александр специально показал им друг друга — и смеялся над их поразительным сходством. Две рыжие девочки, два огня среди зимы.

Но он знал больше, чем показывал.

Он чувствовал в Батори нечто древнее. И в Софии — нечто иное.

За столом в настоящем времени Александр медленно поднял взгляд.

Анастасия всё ещё собиралась сказать важную новость.

Глава 3

Трапеза в зале была наполнена приглушённым разговором, но Александр снова потерялся в своих мыслях. Анастасия сидела напротив него, поджидая его ответа, но она видела, что взгляд Александра был рассеянным, как будто он снова находился в другом времени и пространстве. Его внимание было где-то далеко, и только когда она позвала его, его глаза вновь сфокусировались на ней.

—

Александр... Ау, мечтатель, ты меня слушал? — спросила она, с легкой издевкой, но и с заметным раздражением в голосе.

Он вздохнул, привёл себя в порядок и наконец оторвался от своих размышлений.

—

Извини, я не выспался и немного не соображаю, можешь повторить? — его голос был мягким, но в нём сквозила усталость.

Анастасия посмотрела на него с подозрением, но затем начала говорить:

—

Конечно. Нам епископ поручил уничтожить орден Гедонистов.

Но Дианесий перебил её, улыбаясь во весь рот:

—

Она имела ввиду орден... пидорасов.

Александр, услышав это, не сдержал смеха. Он попытался выглядеть сдержанным, но только добавил масла в огонь. Дианесий, не удержавшись, подхватил его смех. Они оба продолжали смеяться, игнорируя серьёзность ситуации, чем окончательно вывели Анастасию из себя.

Анастасия замерла на мгновение, её глаза наполнились яростью. Затем она ровным голосом, сдерживая злость, произнесла:

—

Как вы можете так материться, сквернословить? Вы же рыцари Храма Божьего, вам должно быть стыдно! — её слова отрезали воздух, и она медленно встала из-за стола.

Дианесий с усмешкой пытался продолжить, но Александр понял, что сейчас нужно остановиться.

—

Извини, Анастасия. Мы не хотели тебя обидеть, — сказал он, пытаясь успокоить её.

Анастасия не ответила и размеренно вышла из зала. Хоуп, её верная подруга, тут же вскочила с места и поспешила за ней, пытаясь уговорить её успокоиться.

—

Она как всегда, — сказал Дианесий, слегка смеясь. — Иногда мне хочется просто сломать ей лицо.

—

Согласен, брат, — ответил Александр, не скрывая своей улыбки, но в глубине души он знал, что не стоит так шутить на эту тему. Анастасия была для них не просто союзником, она была частью их мира, их борьбы, и иногда её гордость зашкаливала, но он всегда ценил её стойкость.

—

Да ничего, — продолжил Дианесий, продолжая шутить. — Она пойдёт в соседний дом, будет жаловаться на меня моей матери.

Александр встал из-за стола и подошёл к окну, смотря на темнеющее небо.

—

Знаешь, брат, каким бы ты не был, ты всегда будешь моим другом, — сказал Александр, обращая внимание на то, как его слова звучат. Это было не просто утешение, это было признание, которое он не так часто говорил. Вся его жизнь была полна предательств, и каждый, кто был рядом, рано или поздно оказывался в стороне.

Дианесий, как и всегда, искренне улыбнулся.

—

А если я стану нечестью? — спросил он, смеясь, как будто подшучивая.

Александр улыбнулся в ответ и ответил:

—

Ну, тогда я спасу тебя.

И эта улыбка, которая появилась на лице Дианесия, была искренней. Это было нечто большее, чем просто братство. Они оба были связаны чем-то особенным. Больше, чем просто верностью. Они понимали друг друга, несмотря на годы разногласий и схваток.

В их дружбе не было места для предательства.

И Александр знал, что для такого друга, как Дианесий, он сделает всё. И в ответ он мог ожидать того же.

Вскоре, по указанию епископа, они с Дианесиём и отрядом воинов выдвинулись в деревню, где скрывался орден Гедонистов. Орден был известен своими отвратительными дей-

ствиями, нарушающими все принципы морали и нравственности. Он превратил жителей в неистовые массы, поглощённые своими извращёнными желаниями и пороками.

Александр не хотел тратить много времени на такие миссии, но когда дело касалось угрозы человечности, он не мог остаться в стороне. Он понимал, что этот орден, лишённый всякой чести и моральных ориентиров, мог навредить не только его миру, но и всем тем, кого он пытался защищать.

Орден Гедонистов извращал суть человеческой природы. Они искали удовольствий, не понимая, что теряли свою душу. Они разрушали семьи, радости и надежды, превращая всё в тень пустых наслаждений, которые приносили только боль и разрушение. Орден был как чума, который сжигал саму основу человеческого бытия.

Задача Александра была ясна: уничтожить этот орден, восстановить порядок и справедливость в мире, который снова оказался на краю хаоса.

Вместе с Дианесиём и их армией они подошли к деревне, где скрывался орден. Перед ними стоял ещё один бой, ещё одно испытание. Но Александр знал, что этот путь — необходим.

Он с трудом сдерживал свою ярость, потому что знал, что борьба с такими противниками требовала не только силы, но и мудрости.

На следующий день, когда ночные тени, усеявшие землю, начали рассеиваться, в это проклятое место, усеянное телами и разрушениями, прибыли новые гости. Анджела, с её розовыми волосами, и брат Анастасии — Гиперион. Молча они осмотрели окрестности, среди которых был беспорядок и кровавые следы, ведущие в темные уголки этого мира. Они нашли одну единственную выжившую среди убитых — девушку с каштановыми волосами, её лицо было наполнено ужасом, а речь потеряна от страха.

—

Мы заберем её с собой, — сказал Гиперион, с суровым взглядом, понимая, что эта девушка несомненно была свидетелем чего-то ужасного.

Анджела кивнула, глядя на её измождённое состояние. Подойдя к ней, она осторожно взяла её за руку и вместе с братом повела её в сторону своего отряда.

Они направились в сторону города Полтава, где Анастасия и её отряд должны были встретиться с ними. Дорога была долгой, и каждый шаг вперед был тяжелым и полным опасности, ведь за каждым углом мог скрываться новый враг. Их встреча с отрядом уже была запланирована — слияние сил из шести человек, каждый из которых был уникален и ценен.

Ночью, когда они достигли Полтавы, отряд под командованием сэра Патикуса снова ударил по очередному поселению, превратив его в кровавую жатву в честь своей повелительницы — богини агонии и разврата Мары. Лица их были скрыты шлемами, но в их жестах было что-то нечеловечески жестокое, будто каждый удар был продиктован не жаждой победы, а самой сутью разрушения.

Как только войска вернулись в город, к Анастасии присоединились её союзники — Анджела, Гиперион и другие члены ордена, и они с нетерпением ждали дальнейших приказов.

На фоне ночного света, лишь несколько фигур двигались вперед — и среди них был он, Александр. Он и Дианесий познакомились с Анжелой, и тот, кто знал его давно, видел, как его глаза на мгновение оживились от её присутствия, как некая искра старых чувств.

Но в этот момент из тени вышел кто-то новый — ещё один воин, с тяжёлой походкой. Он носил шлем с изображением плачущей девы, что моментально привлекло внимание всех собравшихся. Это был Максимус, старший брат Дианесия.

—

Приветствую всех, и тебя, брат, — произнёс он с холодной улыбкой, обращаясь к Дианисию.

Дианесий, увидев его, скривил губы от неприязни.

—

Я надеялся, что церковь не пошлёт тебя, — сказал он с явной агрессией в голосе.

Максимус, сняв шлем, оголил своё лицо — и оно было точно таким же, как у Дианесия. Это был его брат, но, как всегда, с той самой ледяной неприязнью, которая всегда присутствовала в их отношениях.

—

Просто я показал Храму Божьему, что я гораздо более ответственный, чем ты, Дианис, — с насмешкой добавил Максимус, и его слова вызвали бурю эмоций у младшего брата.

Вдруг, не сдержавшись, Дианесий с яростью накинулся на своего брата, пытаясь разбить его лицо кулаками. Но Максимус, используя свою магию света, ослепил его, и, с невероятной силой, оттолкнул его от себя. Он использовал закованный в серебро коленом удар, и Дианесий оказался на земле, с кровавым лицом, побежденный своим старшим братом.

Но Александр, наблюдавший за происходящим, не мог позволить такого. С яростью в глазах он нанес удар в лицо Максимусу, отправив того в угол и пробив стену дома.

Максимус, с кровавым лицом, с трудом встал на ноги и направился к Александру, готовясь к новому бою. Однако в этот момент Гиперион, с воплем ярости, выстрелил в спину Александра синим лучом. Александр слегка наклонился, но сразу обернулся, вынимая свой меч. Напряжение между ними возросло, и, казалось, вот-вот произойдёт новая схватка.

Анастасия встала между ними, её глаза полыхали, но она понимала, что остановить их в этот момент было не так просто.

—

Ты не имел права трогать его. Он является лейтенантом Орденов Света! — сказал Гиперион с скрежетом в зубах, его лицо было искажено гневом.

—

Анастасия, убери своего пса, пока я не выпустил ему кишки, — спокойно произнес Александр, смотря на неё. Он понимал, что не хочет этой кровопролитной битвы, но не мог позволить брату Анастасии напасть на него.

Анджела, вмешавшись, увела Гипериона в сторону, пытаясь успокоить его, и сказала:

—

Прости, я понимаю, что Дианис твой друг, но мой брат слишком верен канонам.

Александр, взяв Анастасию за белоснежное плечо, сказал с лёгкой улыбкой:

—

Не волнуйся, я его не убью.

Она с облегчением вздохнула, но в её голосе всё ещё звучала тревога:

—

Спасибо.

Александр, встречаясь с её взглядом, снова улыбнулся и ответил:

—

Но если он ещё раз на меня нападёт, я его отправлю к Богу.

Всё зависит от твоего брата, пусть он сам определит свою судьбу.

Анастасия медленно кивнула. Она не могла полностью понять, что движет её братом, но она знала, что Александр прав. Если Гиперион продолжит свою агрессию, он столкнется с тем, что неизбежно приведёт его к собственной гибели.

Гостиница была шумной и переполненной, но в одной из её комнат царила тишина. Александр сидел за деревянным столом, наслаждаясь огромным жареным кабаном, который был приготовлен специально для него. Его лицо было слегка покрыто жиром, а глаза искрились от усталости и раздражения, которое не покидало его даже во время еды. Гиперион, сидящий напротив, не скрывал своего отвращения от увиденного, его взгляд был ледяным, а губы сжаты в тонкую линию.

Александр, казалось, не замечал этого. Он жевал, не обращая внимания на напряжённую атмосферу, которая возникла между ними. Долгие годы они с братом шли по разным путям, но сейчас, казалось, что это было лишь начало нового испытания их отношений.

Тем временем, Анастасия направилась в другую комнату, где пряталась девочка. Она вошла тихо, почти на цыпочках, не желая напугать её. Малышка сидела в углу, крепко обнимая плюшевого медведя, её глаза были полны страха, и когда Анастасия подошла, девочка поджалась в угол, пытаясь спрятаться от неё.

—

Привет, малышка, — мягко сказала Анастасия, садясь рядом с ней. Её голос был тёплым, успокаивающим. — Не бойся меня, я тебя не обижу.

Девочка слегка подняла голову, но продолжала сжимать медведя, как будто он был её единственным защитником в этом мире.

Анастасия не сразу её тронула, но затем показала свою ладонь. Из неё медленно вырвался синий свет, который растворился в воздухе, создавая маленьких, изящных бабочек, которые порхали вокруг, наполняя комнату волшебным сиянием. Девочка, затаив дыхание, смотрела на них, и на её лице появилась первая искренняя улыбка. В это мгновение она почувствовала себя в безопасности, словно сама природа обнимала её.

—

Видишь? — сказала Анастасия, нежно поглаживая девочку по голове. — Ты в безопасности. Никто не обидит тебя.

Но девочка не могла сдержать своих эмоций, и её маленькие плечики задрожали от тихих всхлипов. Её слёзы начали стекать по её лицу и по светлой груди, броне Анастасии, смешиваясь с холодной кожей рыцаря, проникая в её одежду. Анастасия, не в силах сдержать себя, взяла девочку в свои объятия и мягко прижала к себе, поглаживая её волосы.

—

Всё будет хорошо, — шептала она, чувствуя, как слёзы девочки орошают её грудь. Это было неожиданно тяжело для неё, несмотря на все её подвиги и решимость.

В этот момент в комнату вошёл Александр. Он замер на пороге, увидев их вместе, но его лицо было затянато усталостью и раздражением. Его глаза пробежались по комнате, и он тяжело вздохнул, прежде чем заговорить.

—

Ты чего? — спросил он, обращаясь к Анастасии. — Меня достал твой брат. Сначала проведаль Дианиса, а потом решил с тобой поболтать...

Но он не успел закончить, как подошёл к девочке. Он мягко встал на одно колено, снял свой драконий доспех с руки и, с удивительной осторожностью, взял девочку за подбородок. Его пальцы были сильными, но бережными, когда он вытирал её слёзы большим пальцем.

—

Ты чего плачешь, солнышко? — спросил он, взгляд его был полон заботы, какой-то невидимой нежности. Это было нечто большее, чем просто сочувствие. Он хотел помочь, он был готов это сделать.

Девочка, несмотря на все свои страхи, наконец посмотрела на него, и, увидев доброту в его глазах, тихо схлипнула и прижалась к его груди. Александр, чувствуя, как её маленькое тело дрожит, поднял её на руки.

—

Не бойся, — прошептал он, с улыбкой на лице. — Давай я тебя убаюкаю. Рядом со мной никто тебя не обидит.

Он уложил девочку на волчью шкуру, которую только что сбросил с себя, и мягко положил её на свои колени. Он начинал укачивать её, его движения были плавными и успокаивающими, как в старых воспоминаниях. Мать когда-то пела ему колыбельные песни, и он вспомнил одну из них. Это была песня о лисе и волке, которые чуть не загрызли друг друга, но, встретив

угрозу охотников, вынуждены были сотрудничать, чтобы выжить. Колыбельная звучала как напоминание о том, что даже самые злейшие враги могут объединиться, чтобы выжить.

—

Слушай, малышка, — продолжал он, укачивая её, — эта песня когда-то спасала меня. Она рассказала мне, что даже самые разные люди могут быть полезными друг другу, если им нужно выжить. Так что, может, нам с тобой тоже стоит научиться сотрудничать.

В этот момент девочка затихла, её дыхание стало ровным и спокойным, она уже не плакала, её маленькие ручки расслабились, и, несмотря на все пережитое, она начала засыпать в его руках.

Александр взглянул на Анастасию, которая стояла рядом. Их глаза встретились на мгновение, и он почувствовал, что в этот момент он был не просто воином. Он был защитником, и ему было важно не только сражаться, но и заботиться о тех, кто был вокруг него.

Он тихо прошептал:

—

Всё будет хорошо.

Девочка была найденной в том же поселении, где Александр и его отряд только что провели жестокий бой. Когда они вошли в разрушенные руины, всё вокруг было окутано дымом и запахом крови. Руины домов, сгоревшие остатки, и беспорядок, как свидетельства неумолимой атаки, оставались немymi свидетелями трагедии, которая здесь произошла. Все, кто пытался сопротивляться ордену Гедонистов, были уничтожены. В этом хаосе и ужасе, среди безжизненных тел, они нашли её.

Девочка была единственным выжившим свидетелем жестокой бойни. Она сидела в углу разрушенного дома, прижимая к себе плюшевого медведя, лицо её было залито слезами, а в её больших глазах читался невыносимый страх. Её каштановые волосы были спутаны и запачканы кровью, а её маленькое тело было скрыто под остатками обрушившейся крыши. Она была настолько молода, что ей не было ещё и десяти лет, и её глаза выражали всю тяжесть произошедшего — утрату семьи, разрушение её мира.

Ребёнок уснул тихо, словно её слёзы исчерпали в ней последние силы. Александр осторожно поднялся, продолжая удерживать её ещё несколько секунд — как будто проверяя, действительно ли она спит, не проснётся ли от малейшего движения. Затем он медленно подошёл к кровати и аккуратно уложил девочку на мягкие подушки, укрыв мехом.

—

Пусть спит, — тихо произнёс он.

В комнате было тепло от камина, огонь мягко потрескивал, разбрасывая янтарные блики по стенам. В этом свете Анастасия выглядела особенно мягкой — не рыцарем храма, не воином света, а просто женщиной.

Она смотрела на него и улыбалась — немного удивлённо, немного тепло.

—
Не знала, что ты такой... милый.

Александр усмехнулся уголком губ.

—
Я хороший, когда царит гармония.

Он перевёл взгляд и заметил, что ткань её одежды на груди и сама грудь всё ещё влажная от детских слёз. Тонкая материя прилипла к коже. Он задержал взгляд чуть дольше, чем следовало.

—
Мне всегда нравился твой оттенок... — произнёс он тише.

Анастасия проследила за его взглядом, и краска мгновенно залила её щёки. Она сделала шаг назад.

—
Александр...

Она попыталась отойти, но он мягко, почти небрежно, взял её за запястье.

—
Да ладно тебе. Мы взрослые люди.

Он притянул её ближе. В его прикосновении не было грубости, но было упорство. Слишком уверенное, слишком привычное.

—
Я дала обет. Я не могу, — её голос дрогнул.

—
Не бойся. Я буду нежен, — прошептал он, рука его опустилась ниже талии.

В следующее мгновение её ладонь резко ударила его по щеке. Звук был звонким. Но Александр даже не дёрнулся. Лишь медленно повернул голову обратно.

В её глазах стояли слёзы.

—
Пожалуйста... отпусти меня. Я не могу.

Тишина повисла между ними, тяжёлая, как камень.

Александр смотрел на неё несколько долгих секунд. В его взгляде не было ярости — только усталость. И что-то ещё. Пустота.

Он разжал пальцы.

—
Иди. Не нужно плакать.

Она не стала ждать. Развернулась и почти выбежала из комнаты, закрыв за собой дверь.

Анастасия вбежала в свою комнату, заперлась и опустилась на колени перед иконой, стоявшей у стены. Лунный свет проникал через окно, серебряными полосами ложась на пол и её плечи.

Она достала плеть.

Каждый удар по спине был тихим, но болезненным. Не ради боли — ради очищения. Ради клятвы. Ради того, чтобы напомнить себе, кто она есть.

—
Господи... дай мне силы, — шептала она, сжимая зубы.

Слёзы стекали по щекам, но она не останавливалась, пока спина не покрылась красными полосами.

В это время Александр стоял у окна своей комнаты.

Лунный свет освещал его лицо — суровое, задумчивое. Он смотрел в ночь, но видел не город. Он видел прошлое.

Луна.
Лея.
Его генералы.

Смогут ли они ещё держаться?
Выдержит ли его оплот, если он будет слишком долго скрываться?

Он понимал — нужно отвлечение. Нужно событие, которое сместит фокус мировых сил.

Он закрыл дверь на замок.

Медленно поднял руку. В воздухе перед ним начала стучаться зелёная дымка. Сначала лёгкий туман, затем плотный вихрь, закручивающийся спиралью. Комната наполнилась запахом полыни и древней магии.

—
Покажись, — тихо произнёс он.

Дым уплотнился. Из него шагнула фигура.

Луна.

Высокая, синеволосая, её глаза светились мягкой зеленой. Она не была полностью материальной — её очертания слегка мерцали.

—

Ты звал меня, мой повелитель? — её голос был спокойным, но в нём звучала тревога.

Александр подошёл ближе.

—

Как держится крепость?

—

Мы отражаем атаки. Но давление усиливается. Они ищут тебя.

Он кивнул.

—

Пусть ищут. Им нужно что-то громкое. Что-то, что отвлечёт их внимание.

Луна смотрела на него внимательно.

—

Ты снова играешь в долгую игру?

—

У меня нет выбора.

Она приблизилась ещё на шаг.

—

Ты устал.

Он усмехнулся.

—

Я живу веками. Усталости нет .

Луна протянула руку — её пальцы почти коснулись его лица, но не полностью. Между ними всё ещё была тонкая грань мира.

—

Будь осторожен, Александр. В этом городе слишком много света. И слишком много глаз.

Он смотрел на неё долго.

—

Передай Лее... что я помню.

Дым начал рассеиваться.

—

Мы ждём тебя, — тихо произнесла Луна, прежде чем исчезнуть.

Комната снова стала пустой.

Александр остался один.

За стеной где-то тихо плакала женщина, которая дала обет Богу.

А в кровати мирно спал ребёнок, чьи глаза на мгновение во сне вспыхнули едва заметной тенью.

И ночь продолжалась.

Комната оставалась погружённой в полумрак. Зелёный дым ещё не рассеялся полностью — он тянулся тонкими нитями к потолку, словно не желал отпускать призванную тень.

Перед Александром снова возникла Луна. На этот раз её образ был чётче, плотнее — глаза сияли мягким светом, а голос звучал теплее.

—

Любовь моя... я всё ждала, когда ты выйдешь на связь. Я так соскучилась.

В её голосе не было упрёка — только тоска, накопленная веками.

Александр позволил себе едва заметную улыбку.

—

Я тоже очень сильно скучаю по тебе, свет моих очей.

Луна приблизилась, её силуэт коснулся его груди холодным сиянием.

—

Наш план идёт лучше, чем ожидалось. Максимум сам того не ведая скоро обрушит на этот мир гнев Империя.

Александр закрыл глаза на секунду, словно просчитывая ходы.

—

Отлично. Всё идёт так, как я и планировал.

Максимум.

Заклятый враг Александра. Долгоживущий воин, рождённый в той же эпохе, закалённый теми же войнами. Когда-то он превосходил Александра — и в силе, и в дисциплине, и в вере. Он был клинком, направленным прямо и без колебаний.

Но даже самые прямые клинки можно направить иначе.

Когда Максимус был пленён Орденом Огненного Солнца, многие думали, что его история окончена. Но Александр видел в этом возможность. Луна проникла в его сны — не разрушая разум, а осторожно подтачивая его.

Сначала — сомнение.

Потом — страх.

Затем — ярость.

Она показывала ему видения: дочь лидера ордена, плачущую в цепях; кристалл света, поглощающий души; предательство со стороны тех, кому он служил.

Максимус проснулся однажды ночью и уже не был тем же человеком.

Он похитил дочь лидера Ордена Огненного Солнца, уверенный, что спасает её от жертвоприношения. Это стало искрой. Орден объявил его предателем. Он сбежал.

А затем началась война.

Но самое страшное было не это.

Во снах Луна внушила ему цель: уничтожить Кристалл Силы — якобы источник магии света, инструмент порабощения и лжи. Он верил, что разрушив его, освободит мир.

Но истина была иной.

Кристалл не давал силы.

Он удерживал их.

За ним, за тонкой гранью бытия, существовал иной мир — Империй, древний и бесконечный. Там, в ожидании своего часа, пребывал Бог — сущность, когда-то пожиравшая души тысячами.

Основатели Ордена много веков назад смогли заточить его обратно. Используя древний артефакт — Око Слияния — они объединили свои души и создали Кристалл, впитавший их сущность.

И стали печатью.

Если кристалл будет разрушен — печать падёт.

Империя прорвётся в мир людей.

Луна внимательно смотрела на Александра.

—

Он уже близок к решению. Его вера трещит. Он ненавидит свет так же, как когда-то ненавидел тьму.

—
Хорошо, — тихо ответил Александр. — Когда печать падёт, ордена будут ослаблены войной. Империй ударит первой волной. А я... возьму то, что мне принадлежит.

—
Ты уверен, что сможешь удержать Бога?

Александр медленно поднял взгляд.

—
Я не собираюсь его удерживать.

На мгновение даже Луна замолчала.

—
Тогда зачем всё это?

Он подошёл к окну. Внизу спал город. Где-то в соседней комнате спала девочка — последняя выжившая. В другой — молилась Анастасия.

—
Мир слишком долго стоит на чужих жертвах. Печати, запреты, клятвы. Пора разрушить старый порядок.

Луна тихо произнесла:

—
А если всё выйдет из-под контроля?

Александр обернулся. В его глазах мелькнуло что-то древнее, почти нечеловеческое.

—
Тогда я стану тем, кого они боятся больше, чем Бога.

Зелёный дым начал рассеиваться.

—
Я жду тебя, — прошептала Луна, исчезая.

Комната снова стала тихой.

Но где-то далеко, в древних храмах Ордена Огненного Солнца, кристалл на мгновение дрогнул.

И в мире Империя кто-то открыл глаза.

Глава 4

Александр стоял посреди своей комнаты, освещённой холодным лунным светом, который проникал сквозь узкое стрельчатое окно и ложился серебряной полосой на каменный пол. Его губы медленно растянулись в ухмылке — не громкой, не безумной, а почти ласковой. Такой улыбаются не врагам, а вещам, которыми гордятся.

—

Моя же ты прелесть... — тихо произнёс он в пустоту. — Не зря я тогда оставил тебя в живых.

Образ Луны ещё не до конца растворился в воздухе — серебристые частицы её сущности мягко мерцали, будто не желали исчезать окончательно. Услышав комплимент, её сияние на мгновение усилилось, словно она улыбнулась в ответ.

—

Ты всегда умел выбирать, — прошептала она, её голос уже звучал издалека.

—

Ладно, любовь моя, — произнёс Александр устало, но удовлетворённо. — Мне нужно ложиться отдыхать. Завтра мне предстоит разобраться с Орденом Гедонистов.

—

Хочешь, я узнаю через их сны, где они обитают? — предложила Луна мягко.

Он покачал головой.

—

Не стоит. Я и сам могу посмотреть. Магия — это не только сила, но и терпение.

С этими словами он взмахнул рукой, и зелёный дым окончательно рассеялся, будто его и не было. Но тишина длилась лишь мгновение.

Александр закрыл глаза.

Когда он снова их открыл — воздух перед ним начал менять цвет.

Теперь из его ладони медленно потянулся густой красный дым — не яркий, а тёмный, почти бордовый, с чёрными прожилками. Он не поднимался вверх, а стелился по полу, как живая ткань. Туман расползлся по каменным плитам, обволакивал мебель, огибал стол, и, добравшись до двери, просочился в щели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.